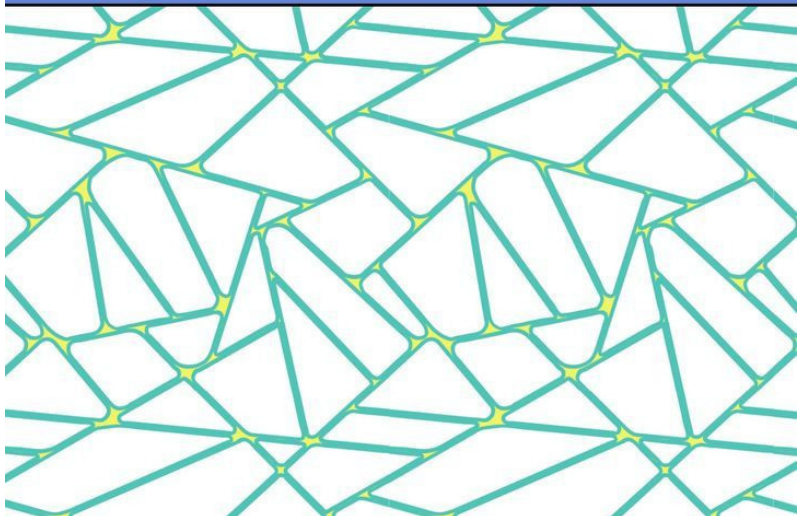

18+ Джабраил Алиев

*Запрещенные
записки
кавказца*

Джабраил Алиев

Запрещенные записки кавказца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37397442

ISBN 9785449340139

Аннотация

Это повесть-дневник, где автор попытался донести до читателя свои затаенные думы, размышления и переживания. В этом дневнике говорится также о встречах автора с разными людьми. В том числе с известными личностями. Автор надеется, что читатель с большим интересом прочитает данное произведение.

Содержание

1991 год	5
Июль	5
Август	11
Сентябрь	15
Октябрь	19
Ноябрь	24
Декабрь	27
1992 год	31
Январь	31
Февраль	33
Март	35
Апрель	38
Май	42
Июнь	45
Июль	48
Август	52
Сентябрь	54
Октябрь	56
Ноябрь	59
Декабрь	62
1993 год	66
Январь	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Запрещенные записки кавказца

Джабраил Алиев

© Джабраил Алиев, 2018

ISBN 978-5-4493-4013-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1991 год

Июль

Почему я стал заниматься сочинительством? С чего это началось? Случилось это десять лет назад, а помню как сейчас.

Жил я тогда в поселке Прикумске Ставропольского края. Раннее утро. 1981 год. Июнь. Просыпаюсь от того, что до меня доносятся с улицы истеричные женские крики.

– Ой, убивают! Помогите!!!

И в это время ко мне врывается сосед Павел. Он на год старше меня:

ему уже 18. Лицо у парня неестественно белое как чистый лист бумаги.

Громко кричит:

– Джабраил помоги. Кондрат снова бьет свою жену. Ду-маю, вдвоем одолеем...

Вскакиваю с кровати, спрашиваю:

– А ружье ты спрятал?

– Да...

Наспех одеваюсь и оба спешим.

Кондрат старший брат Павла: ему 28 лет. Он очень крепкий мужчина, и

в прошлый раз нам от него досталось. Тогда тоже он в изрядном подпитии избивал жену. Мы пытались его остановить, но он выхватил со стены старое одноствольное ружье и успел нас обоих серьезно «угостить» прикладом. Мне попало по плечу, а Павлу по затылку.

– На этот раз кинемся одновременно, – торопливо объясняет Павел. А то снова попадет...

Когда вбежали в комнату, Кондрат усердно стучал большим кулаком по голове супруги Татьяны. Она не успевала защищаться, так как удары сыпались довольно часто.

– Брось Кондрат – кричу я.

– А...а, опять явились, – скрипя от злости зубами, огрызается он, и замахивается на меня прислоненной к углу комнаты железным шкворнем.

В это время Павел ударяет его с боку кулаком по уху. Кондрат поворачивается к обидчику, и тогда я, изловчившись, набрасываюсь на него

и хватаю за шею. Вдвоем валим мужчину на пол и крепко связываем ему руки и ноги веревкой.

Проходит час.

– Ну, хватит уже, отпустите, – требует устало Кондрат.

– А это видел, – Павел выразительно подносит старшему брату под нос кукиш. Ишь, чего захотел...

Минул еще час. Наконец мы отпускаем мужчину.

После этого случая некоторое время Кондрат вел себя более-менее спокойно.

Но, к сожалению не остепенился. Спустя месяц в состоянии опьянения он достал где-то патроны к своему старому ружью и застрелил жену. В итоге его приговорили к высшей мере.

Как уже отмечалось, это произошло в 1981 году. Тогда я и решил про этот трагический случай написать в газету. Статью напечатали.

В этом же году окончил десять классов средней школы в поселке Прикумске. Тогда мне было 17, сейчас уже 27.

* * *

Да, с тех пор прошло десять лет. Как быстро летит время. Думаешь все еще впереди, но это не так. Время что скорый поезд, не успел удобно расположиться в купе, и вот она конечная станция.

Еще о прошлом: газета, куда я написал первую статью, называлась «Ленинец». Это была районная газета, которая выходила два раза в неделю. Когда увидел напечатанной свою статью, был взволнован. Гордился очень. Стал пользоваться в поселке авторитетом.

Помню, как трудился над первым материалом. Всю ночь писал. Потом рвал и снова за работу. Утром поехал в районный центр в редакцию. Конечно, я не знал, примут или нет. Но в душе надеялся. Однако прочитали и приняли. Более того попросили еще написать. На следующий день написал вторую статью, потом третью...

Мне высылали чеки. Когда, набралось их около десятка,

пошел на почту и получил рублей 70. В то время это были неплохие деньги.

Вокруг удивлялись: не русский, а пишет на русском языке и вроде неплохие статьи. Как это?

Один поселковый шофер прямо так и выдал:

– Не верю, что можешь писать хорошо на русском. Наверное, кто-то помогает.

Это меня обидело и одновременно разозлило. Я бросил ему в лицо:

– Вот ты точно ничего не напишешь. Не дано тебе. Так что остается тебе крутить только баранку.

Он тоже в свою очередь обиделся. Но я, не обратил на это внимания. Мне больше не хотелось говорить.

Потом все-таки извинился перед ним. Не знаю, правильно поступил или нет? В этом же году (1981) мы с сестрой Оксаной, переехали жить к себе на родину в город Махачкала.

* * *

И вот 1991 год. Я написал свое первое литературное произведение. Небольшой по объему рассказ. Через несколько дней пришел в редакцию журнала. Вроде понравилось. Но, попросили многое исправить. Я согласился, и начал перерабатывать. Однако потом понял, что рассказ вышел неудачный. Так и не отдал в печать.

А вот второй, под названием «На пристани» получился хороший. Отдал в газету «Молодежь Дагестана». Напечатали. Но, правда, не сразу, а спустя лишь месяц.

Когда получил гонорар пошел с другом Арсеном в ресторан. Потратил все деньги. Уже собирались уходить, как вдруг подошел какой-то полный мужчина и угрюмо спросил:

– Кто, такие? Почему шумно ведете себя?

Мы были в недоумении:

– Во – первых мы не шумим. А во – вторых сами кто будете?

– Я работник милиции, – строго ответил незнакомец.

– А я писатель, – с вызовом бросил я.

– Кто? – переспросил милиционер.

– Писатель. А что?

– Кто, кто? – захихикал мужчина, энергично тряся большим круглым животом.

– Его рассказ напечатали в газете, – важным тоном заметил Арсен.

Однако милиционер был в своем репертуаре. Его язвительное хихиканье постепенно перешло в громкий хохот. Некоторые посетители стали оборачиваться в нашу сторону.

– Замолчите! – вдруг крикнул Арсен.

– Что... о? – возмутился так называемый милиционер. Это вы мне?

– Вам.

Милиционер, недолго думая пошел на нас с кулаками. Арсен подставил ему ножку и толстяк с грохотом упал. Мы поторопились к выходу.

Спустя две недели снова заглянули в это заведение. Офи-

циантка, которая обслуживала наш столик, сказала:

– Вам лучше уйти...

– Почему?

– Здесь тот самый, – она пыталась подобрать нужную фразу.

– Милиционер? – спросили мы

– Да. Только он вовсе не милиционер.

– А кто?

– Не знаю...

В это время мужчина увидел нас и вновь стал хохотать.

– Эй, писатели. Забудем обо всем. Идите сюда я угощаю...

– Пошел вон, – крикнул Арсен.

– Что... о?

Но мы его уже не слушали и повернули к выходу.

Август

Страну всколыхнуло ошеломляющее сообщение. 19 августа в Кремле произошел переворот. Президент Горбачев отстранен от власти. К руководству страной пришли другие. Сформирован ГКЧП (государственный комитет чрезвычайного положения).

У нас на домостроительном комбинате где я работаю только об этом и разговоры. Однако когда новых руководителей показали по телевизору, то лично у меня на душе остался горький осадок. Выглядели эти люди как-то жалко. У Янаева руки тряслись как у мальчишки. Устроили переворот, а твердости характера нет. Министр обороны маршал Язов тоже выглядел растерянным. Он больше молчал.

Разговаривал с журналистами в основном Янаев, который взвалил на себя функции временного президента.

На вопрос журналистов: «Где Горбачев»? Новый руководитель ответил кратко: «Болен».

Спрашивают: «Чем болен»? отвечает не очень внятно: «Болен и все».

Вся Москва встала на дыбы. Люди строят баррикады: готовятся встречать войска. Через некоторое время на улицах появились танки. В народ не стреляют. Боятся. Столица бурлит...

Новая власть продержалась три дня. Уже 21 августа все за-

кончилось. Так называемые «мятежники» арестованы. Ельцин торжествует. Он стал буквально героем. Вместе с этим есть неприятные моменты: люди кажется, готовы целовать ему руки и ноги. Зрелище унижительное. Кругом продолжают митинги и собрания.

Больше всего мне жаль Язова. Не знаю почему. Может потому что он самый старший среди всех участников ГКЧП. И еще потому что он ветеран войны.

* * *

Особенно меня позабавила наша дагестанская власть. Стали выжидать и нервничать. Мол, кто кого? Противно было наблюдать, как они мечутся.

И вот, наконец, ясно за кого: конечно за Ельцина. Хотя в Дагестане почти все сочувствуют коммунистам. Люди этого и не скрывают. Впрочем, некоторые держат нейтралитет. На площади собрался народ. Слышны выкрики.

– Посмотрим, что дальше будет...

– Теперь все по – новому...

– А пошел ты... собачий сын...

Тут же завязывается ожесточенная драка.

Если спрашивать меня: за кого я? Чью сторону держу? Скажу откровенно: сочувствовал ГКЧП. Желал им успеха. Но, они, к сожалению, потерпели поражение. Как мне кажется из-за своей нерешительности.

Наверное, испугались ответственности. Министр внутренних дел застрелился. И теперь есть такие которые раду-

ются этому. Что будет дальше, никто не знает. Спустя какое-то время после этих событий коммунистическую партию запретили. Это еще одна победа Ельцина. Когда я гляжу на его выступления, то он мне напоминает студента недоучку. Не может связно произнести нескольких фраз. И этот человек является президентом России.

Сложилась какая-то парадоксальная ситуация. Есть Советский Союз и в тоже время есть президент России. В общем идиотизм какой – то.

Горбачева вернули из заточения. Если это так можно называть.

По-моему он просто отдыхал у Черного моря. Впрочем, выглядит не очень. Сразу не понять: то ли страдал, то ли отдыхал.

А вот Ельцин уже знает, что ему нужно. Желает единоличной власти. Не хочет никому подчиняться. Во всяком случае, так мне кажется. Лицо у него полное, одутловатое, а нос почему-то всегда красный. Видимо выпивает изрядно.

В общем, у так называемых демократов эйфория. Полным ходом празднуют победу над большевиками.

* * *

У нас на комбинате все эти три дня почти никто не работал. Только спорили. Хорошо, что демократия, или нет?

Ответа точного никто не знает. И что поразительно все воруют.

Кто гвозди тащит, кто куски арматуры, кто стеклопакеты.

Сварщик, которого зовут, Алибек спрашивает у меня:

– А ты что не воруешь?

– Не думал об этом...

– Смотри, потом ничего не останется.

Говорит на полном серьезе, и как – будто со знанием дела.

– Не видишь что твориться. Скоро, наверное, конец стране. Ну ладно, пойдем, дам тебе один стеклопакет.

Каюсь, отвез стеклопакет домой. И действительно впоследствии он мне пригодился. Обернул им расширительный бачок, чтобы вода не замерзала зимой. Правда, спустя некоторое время пожалел что взял. Не привык к таким делам.

Через два дня Алибек снова подходит:

– Есть возможность мешок цемента забрать...

– Не надо...

– А я возьму.

Интересуюсь:

– Разве мастер ваш не замечает ничего?

Сварщик смачно, с удовольствием захохотал.

– Мастер сам ворует. Так что как говориться бери, пока есть.

Я отрицательно покачал головой.

– А стеклопакет куплю и верну.

Он снова засмеялся.

– Да ты что. Это ведь копейки. Не поймут тебя ребята.

Так я и не купил.

Сентябрь

В стране двоевластие: Горбачев и Ельцин. И они постоянно между собой на штыках. Ситуация на мой взгляд дурацкая. Скажу так: один другого не лучше. Горбачев – это ничтожество. Довел страну до ручки. Можно вспомнить хотя бы «сигаретный» бунт в 1990 году. Просто позор для такой страны как СССР. Ельцин кажется еще хуже. Торжествует, что нет больше сильного государства. Поэтому я не верю ему.

Сейчас в магазинах нет, не только сигарет, но и продуктов. Выстраиваются длинные очереди. Люди готовы глотки друг другу перегрызть за килограмм колбасы. И такую жизнь Горбачев осмеливается называть веянием нового времени: то есть «перестройкой».

В так называемых социалистических странах произошли «бархатные» революции. Только в Румынии народ пошел громить магазины.

Президента Чаушеску повесили вместе с супругой. Это страшно и

жестоко. Но народ доведен до нищеты. Как бы то же самое не сделали с Горбачевым.

Инфляция в стране идет полным ходом. Сто рублей превратились в жалкие гроши. Еще новость: Ленинград пере-

именовали в Санкт- Петербург. Зачем? Непонятно? Сколько можно переименовывать?

Для меня лично этот город навсегда останется Ленинградом.

Я прожил в северной столице три года. С 1985 по 1988. Воспоминания самые светлые. Это почти музей под открытым небом. Люди приветливые, добрые. Что нужно подскажут, объяснят. В этом городе я познакомился с настоящим другом Виктором Киреевым. Таких друзей у меня больше нет, и, наверное, не будет. Вместе ходили на танцы по субботам, знакомились с девушками, а потом до хрипоты спорили, у кого подружка лучше и краше. Ныне он зовет меня обратно в Питер. Но у меня не получается приехать. За пожилым отцом надо смотреть. Отец человек малограмотный, поэтому многого не понимает в жизни. А сейчас, особенно когда в стране происходит непонятно что. К чему интересно придем? Какое будет государство в будущем?

Несколько дней назад приходил милиционер из Ленинского района. Спрашивал об ограблении моего дома, которое произошло еще в прошлом году. Задал несколько не значащих вопросов. Опять тоже самое (кого подозреваю и т.д) и ушел.

Тогда (1990 год) как не пытались, но найти воров так и не смогли. Впрочем,

я и не надеялся. Какие-то они беспомощные эти милиционеры. Да и те работники милиции, с которыми мне прихо-

дилось разговаривать, с трудом говорили на русском.

Не все конечно такие. Но достаточно. Они приезжают из аула в город, а нормально учить русский язык не хотят или не могут. Не знаю. Но впечатление неприятное.

Вот еще. В марте, когда я с одним товарищем по делам поехал в Баку, нас остановили азербайджанские стражи порядка. Тоже с трудом ворочают на русском. Спрашивают:

– Что в сумке?

Отвечаю:

– Купил драп, хочу сшить пальто.

Один милиционер с непониманием глядит на другого.

Снова спрашивают:

– Что такое драп?

– Ну, материал такой...

Они опять.

– Честно говори, что у тебя там?

Вынимаю из сумки сверток: разворачиваю, показываю. И тут на мое удивление один из милиционеров берет ткань и накидывает себе на плечи, да так что полностью закрыл погоны. Потом интересуется у коллеги:

– Хорошо да?

Коллега смеется. Кивает. И вдруг всем на удивление милиционер срывается с места и убегает вместе с драпом. Я думал вначале, что это шутка. Ждал возвращения. Но тщетно.

А второй продолжает как не в чем, не бывало смеяться.

После такого эксцентричного поступка азербайджанского

стражи порядка я вспомнил известное стихотворение пролетарского поэта Маяковского и не совсем согласился с ним.

Моя милиция меня не только не бережет. Наоборот: издевается.

Октябрь

По радио сообщили грустную новость: убили певца и композитора Игоря Талькова. Жалко. Это был настоящий талант. Кому нужна была смерть композитора? Тут, на мой взгляд, скорее всего дело обстоит так, что не всем, наверное, нравилось его творчество.

Прекрасная у него есть композиция. Называется: «Я вернусь».

Уверен, Игорь действительно вернется к своим слушателям. Но теперь уже в своих песнях.

* * *

Погода в Махачкале отвратительная. То дождь то ветер. Осень холодная. А тут еще на работе не очень ладно.

Денег стали платить мало. Я работаю слесарем – ремонтником. Работа не из легких, а заработка почти нет. А ведь еще год назад оплата была более-менее приличная.

Сажу на кухне и курю. Укутался дымом. По радио передают песню Игоря Талькова. Голос у певца хороший. Ему было 35. Мог еще долго жить. А сколько хороших песен написал бы? Жизнь его оборвалась в Ленинграде. Говорят, ехать ему туда не хотелось. А убийца все-таки скрылся, и

наверное, как всегда не найдут. А если и найдут, то вряд ли серьезно накажут. Разве наказывали у нас убийц Пушкина или Лермонтова?

Скажите чудак куда загнул. Нашел с кем сравнивать. Может пример не очень уместный, но Тальков был тоже крупной личностью. Можно к слову сравнить с Есениным. Этого поэта тоже, по сути, уничтожили. Ныне версий выдвигается много. К слову о Есенине.

Однажды когда жил в Ленинграде (1985 год) то, увидел афишу извещающую о том, что во Дворце спорта имени Ленсовета состоится вечер поэзии посвященный 90-летию со дня рождения Есенина. Вечер должен был состояться через два дня. Решил сходить.

Надел выходной костюм и пошел. Рядом со мной в зале оказался молодой человек, который постоянно чему-то про себя усмехался.

А на сцене в это время выступал какой-то старик с козлиной бородкой. Не то академик, не то филолог. В общем, был он знатоком русской литературы и рассказывал о биографии Сергея Есенина.

И тут молодой мужчина снова усмехнулся, но уже вслух. Потом повернул голову, в мою сторону и сказал:

– Много неправильных вещей говорит. А ведь лично мой дедушка был знаком с Есениным. Так вот поэт уехал в Ташкент не в мае 1921 года, а летом. И еще есть неясности.

– А как звали вашего деда, – поинтересовался я.

– Матвей Ройзман. Писатель. Может, слышали?

Я был изумлен.

– Конечно. Читал его книгу посвященную поэту. Называ-

ется «Все, что помню о Есенине». И еще есть у него повесть «Дело №306».

Мужчина обрадовался.

– Вот именно. Меня зовут Марк. А вас?

Я представился.

– Джабраил.

– Как, как?

Я повторил.

– Вы не русский?

– Да.

– А кто?

– Лакец.

– Кто?

Объясняю:

– У меня на родине в Дагестане много национальностей.

Есть аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы и. т. д.

Собеседник слушал, потом откровенно признался, почему-то полушепотом:

– Я ведь тоже не русский.

Помолчали. Но спустя время он гордо продолжил:

– Я еврей. Жаль что вы не еврей...

– Почему?

Марк снова перешел на шепот:

– Есть у меня кое – какие записи моего деда о Есенине.

Так вот я подумал, что еврей бы лучше, наверное, в них разобрался.

– Вы так думаете?

Марк пожал плечами.

– Не знаю. Мне так кажется.

Снова пауза. Потом:

– Так уж и быть, если хотите вам отдам.

– Хочу.

– Но за деньги, – предупредил он.

– И сколько? – поинтересовался я.

– Сто рублей...

– Но ведь дорого.

– Извините, дешевле не могу.

– Ладно, – вздохнул я.

– Встретимся через три дня в подземке у метро «Нарвская», – снова перешел на шепот мужчина. В десять вечера годится?

– Что так поздно?

– Иначе нельзя. Дело важное.

* * *

В назначенное время я был на месте. Народу было немного. Погода была пасмурная. Колючий холодный ветер неприятно пронизывал до костей.

Через пару минут подошел Марк. Он почему-то озирался по сторонам,

как – будто чего-то опасался. В руке держал картонную папку.

Сразу спросил:

– Где деньги?

– А где рукопись?

Марк протянул папку, я ему деньги.

– Бывай здоров, – крикнул он и быстро исчез.

Я удивился. Потому что накануне договаривались зайти в кафе и выпить по сто грамм. А когда пришел в общежитие то закусил губу. В папке были лишь несколько сложенных вчетверо старых газет.

Попался я, что называется конкретно. Ведь отдал почти последние деньги.

До зарплаты оставалось всего 15 рублей. Такая вот случилась не очень веселая история.

Ноябрь

Недавно прошел сильный дождь. Иду в парикмахерскую, перепрыгиваю через лужи. Тротуары полностью залиты водой.

Не хотел идти, но у меня запись. Дело в том, что к этому мастеру попасть очень трудно. К большому сожалению мастера моего не оказалось. Однако раз пришел, то пришлось занимать очередь.

В парикмахерской у мужчин те же разговоры: к чему придем, и что будет в дальнейшем со страной. Но в обсуждении принимают участие не все. Один в ожидании очереди дремлет, низко натянув кепи на глаза. Он как – будто ничего не слышит.

И вдруг какой-то пожилой мужчина в фиолетовом плаще, с длинным, вытянутым как у лошади лицом неожиданно кричит:

– Ничего хорошего не будет! Неужели не понятно? Дураки! Надо брать в руки оружие...

Все дружно поворачиваются к нему.

– Что орешь? – возмущается парень в кепи, который до этого дремал. К чему народ призываешь? С кем воевать? Ты что идиот...

– Что!?! – с разъяренным видом вскакивает мужчина. – Кого идиотом называешь?

– Тебя, – спокойно резюмирует парнишка.

– Меня?

– Да...

– Убью! – мужчина вмиг достает из кармана плаща от-
вертку и кидается на молодого.

Завязывается потасовка прямо в прихожей.

Ударить мужчина не успел: его скрутили. Кто-то вызвал милицию.

А он все кричит:

– Меня зовут Курбан. Я никому ничего не прощаю...

Подъехали работники милиции. Им тоже он повторил, что его зовут Курбан и что он ничего не прощает.

Но его уже не слушали. Быстро затолкали в воронок и увезли.

– А ведь ударил бы, наверное, – все удивлялся парень в ке-
пи, поправляя на себе тонкую кожаную куртку.

– Может и ударил бы, – лениво предполагает кто-то.

– Да нет, точно собирался, – все никак не мог успокоиться парнишка.

Один из посетителей грустно качает головой.

– К чему пришли. Договориться между собой не можем.

Эх, жизнь, жизнь...

В это время в парикмахерскую вбежала молодая симпатичная женщина в длинном красном пальто и, подойдя, к одному из мужчин закричала:

– Мурсал, что здесь до сих пор делаешь!? Там, в магазине

за углом колбасу докторскую продают. Иди туда. А я побегу на работу, у меня перерыв заканчивается...

Женщина оказалась его супругой. Мужчина, схватив шляпу с вешалки, тотчас выбежал из парикмахерской. Вслед за ним неожиданно почему – то поспешили и остальные.

Я остался один. Оно видно и к лучшему. Не надо дожидаться очереди.

Декабрь

Вот так новость. По телевидению выступил Горбачев и объявил о своем уходе в отставку. Государство под названием СССР перестало существовать.

Такого я лично не ожидал. Да и многие другие тоже. Что угодно, но не это. На душе стало пусто и настроение испортилось.

Новость я услышал 8 декабря вечером. Утром вышел из дому, чтобы прогуляться. И был удивлен. Люди ведут себя совершенно спокойно.

Так как – будто ничего не произошло. А ведь по существу перестала существовать огромная империя. Это разве не трагедия?

Я лично воспринимаю это как трагедию. Но не все видимо пока осознают масштаб катастрофы.

Есть и такие, которые положительно отреагировали на эту новость.

Встречаю спустя несколько дней своего знакомого по имени Гасан.

– Салам алейкум.

– Ваалейкум...

– Что невеселый? Ведь скоро Новый год.

– Так, ничего. Ты как кстати относишься к тому, что нет больше Советского Союза?

Гасан оживленно заморгал густыми ресницами.

– Хорошо. Коммунисты жировали, а теперь пусть узнают, что такое работать на полную катушку. Пусть понюхают крепкого табачку...

– Думаешь, жизнь станет лучше?

– А как же. Теперь все будет по – другому. А то ведь эти самые члены политбюро все себе отхватывали, а простому народу значит пшик... так что ли?

Возвращаясь, домой думал о том, что может Гасан и прав. Может, теперь действительно станет хорошо. Сделает Ельцин нашу жизнь такой счастливой, что горя знать не будем. От таких мыслей стало немного легче на душе. Все – таки хочется надеяться на лучшее.

Но когда на следующий день вышел на работу, то хорошего настроения как не бывало. Скоро Новый год, а зарплату выдавать не собираются. А потом еще эти обмены сторублевых купюр. На душе остался горький осадок.

Для обмена денег очередь выстроилась на комбинате просто огромная. Каждый норовит быстрее поменять и чтобы значит пораньше домой. Я вообще не стал менять. Но через три дня мне напомнили об этом.

Я заметил, что рабочий народ насколько талантлив, настолько же неумен и даже глуповат. Зачем толкаться в очереди и ругаться друг с другом, если можно на следующий день поменять злосчастные рублики. Нет, им надо именно

сегодня. А завтра что? Стихийное бедствие? Глупо очень.

Наконец выдали зарплату. Пошел вечером в ближайший магазин и накупил продуктов. Продавец, низенький, круглый армянин, между прочим, говорит:

– А знаете, что водки и коньяку скоро совсем не останется.

– Почему?

Он пожимает плечами:

– Так говорят...

– А что есть?

– Пять бутылок коньяку.

– Давайте.

– Сколько?

– Все...

Продавец загрузил сумку.

Через несколько дней в канун Нового года заглянул снова в этот магазин за спичками. Слышу, армянин говорит покупателю:

– А знаете, что спиртного скоро не будет.

– Да ну, – вытягивает лицо покупатель.

– Вот осталось пять бутылок. Могу уступить. Забирайте если хотите...

Покупатель качает головой.

– Не знаю, не знаю...

Но потом решительно режет рукой воздух.

– Уговорили...

Гляжу на армянина. Он хитро улыбается уголками губ

и подмигивает мне. Его улыбка констатирует: хочешь жить
умей вертеться

1992 год

Январь

Предприятие наше (домостроительный комбинат) дышит на ладан. В столовой нет не одного стакана. Компот рабочие пьют из суповых чашек. Ложек тоже не хватает. Некоторые приносят ложки с собой. И смех и грех.

В скором времени повара перестали готовить вторые блюда. Объясняют это нехваткой продуктов. Народ устроил стихийный митинг. Директор комбината успокоил рабочих тем, что в скором времени будет наведен порядок. Но к сожалению этого не произошло. Тогда митинг повторился.

Однако изменений в лучшую сторону не наступило.

Ко мне как-то подошел крановщик Виктор и тихо сказал:

– Я решил уехать. Говорят, русских будут выгонять...

– Кто говорит?

– Многие. В Ростов уеду к родственникам.

– Не может быть такого...

Виктор покачал головой и шепнул:

– Нет, дыма без огня.

И действительно он оказался в какой-то мере прав. Забегая, слегка вперед скажу, что в 1994 году я встретился как-то на улице с одним знакомым, который мне прямо заявил, что

был бы рад, если русские уехали из Махачкалы. Я искренне возмутился и откровенно заявил ему, что он сволочь.

Тот позеленел. Стал кричать:

– Я не сволочь... ты понял?

– Нет, ты сволочь...

Он замолчал. Я старше его, и он не знал, как поступить. Наконец плюнул себе под ноги и ушел. Больше я с ним не виделся. И несказанно был рад этому.

Февраль

Уволился с работы. Комбинат практически не функционирует. Три года проработал слесарем-ремонтником и вот теперь, вынужден уйти.

Столкнулся в арматурном цеху с мастером моего участка.

Спрашивает:

– Что уходишь?

– Да.

– А куда?

– Не знаю...

И вдруг он заплакал. Крепкий сорокалетний мужчина на мое удивление зарыдал навзрыд.

– Я тоже не знаю, куда... Ты молод и, наверное, сможешь выжить.

А у меня семья...

Мне стало неловко. Стал утешать.

– Возможно, все образуется...

Мастер передернул плечами.

– Вряд ли.

Он протянул руку.

– Ну, бывай...

– И вам всего хорошего.

На душе стало муторно.

Честное слово наступило какое-то непонятное время.

Мужчины плачут от безысходности. Это все-таки не очень хорошо.

Когда вышел на улицу неприятное чувство усилилось. Может от того, что было холодно. Зима бесснежная, но лютая.

* * *

Прошло два дня, как я уволился с работы.

Ельцин объявил, что отпускает цены, вот они и взлетели теперь почти до небес. Подорожание продуктов и вещей просто фантастическое. О чем думает этот Ельцин? Кажется, ни о чем.

Более половина населения страны вмиг обнищала. Вот она пресловутая рыночная экономика. Впрочем, экономики почти никакой нет. Во всяком случае, у нас в городе. Практически ни одно предприятие не работает.

Люди где-то что-то покупают, и тут же втридорога продают.

Обыкновенная спекуляция.

Ах, да извините, теперь это называется модным словом коммерция.

У нас в Дагестане начали создавать какие-то национальные движения. Каждый руководитель этого движения восхваляет исключительно свою национальность. А в республике более десяти коренных национальностей.

Неизвестно что из всего этого может выйти...

Март

Получил письмо из радиокомитета. Предлагают придти, чтобы поговорить

о моем рассказе, который называется «За стеной». Я вспомнил, что еще в январе относил рассказ на радио. Но потом забыл, и вот мне об этом напоминают. Когда я пришел то журналист Нажмутдин Убрынский (почтенного возраста мужчина) сказал, что рассказ прозвучит через неделю по радио. Я был рад.

– Но гонорар не обещаем большой, – не очень весело добавил он.

Однако тут же подбодрил.

– Зато рассказ хороший. По объему маленький, но содержательный. Поздравляю...

– Спасибо.

– Принесете еще что-нибудь?

– Подумаю.

О радостной новости я сообщил дома сестре.

Оксана спросила:

– Может, соседей пригласим. Будет им интересно послушать.

– Пригласи, если хочешь.

И вот в назначенное время человек двадцать собрались у нас, чтобы услышать мой рассказ.

Убрынский не обманул. Рассказ действительно прозвучал. Правда, одно предложение изменили.

Было: «он тосковал каждый день, и находился почти на грани сумасшествия». Сделали: «он скучал и не находил себе места».

В принципе ничего существенного.

Соседи тоже вроде остались довольны. Поздравляют.

Через несколько дней отнес на радио еще два рассказа.

Кстати рассказ, который называется «На пристани» до сих пор пользуется успехом.

Публиковалась эта вещь в различных изданиях много раз.

* * *

Как-то встретил на улице экстрасенса и поэта Джамала Фатхулаева.

Это был высокий мужчина лет тридцати пяти, с аккуратными седыми волосами.

Поздоровались. Он сказал:

– Не слышал? В Союзе писателей в апреле намечается какое-то собрание.

– Слышал.

– Интересно о чем будут там болтать так называемые писатели?

Я был слегка удивлен:

– Почему так плохо отзываешься об этой организации?

Джамал усмехнулся.

– Потому что это не Союз писателей, а союз пьяниц.

– Ты не прав. Зачем говорить то в чем не уверен.

В глазах экстрасенса заиграли насмешливые искорки.

– Не будь наивен. Я говорю правду. Там только и занимаются тем, что пьянствуют. Если хочешь, сходи, увидишь. Ты ведь собирался там показать свои рассказы...

– Да. Мне надо в русскую секцию.

– Вот и сходи...

На этом расстались.

Апрель

Отобрал несколько рассказов и отправился в Союз писателей, в русскую секцию.

Встретила меня писатель Владимир Носов (ему под шестьдесят).

Он оставил рассказы у себя и попросил, чтобы я пришел через два дня. Оказывается, заседание по каким-то причинам перенесли.

– Смотри обязательно приходи. Поговорим о твоих рассказах, – сказал Владимир Георгиевич.

Я удивился:

– Почему обязательно. Я ведь не член Союза писателей.

– Все равно. Посидишь, осмотришься, увидишь, как проходят заседания.

Через два дня я был снова в Союзе писателей. Приехал за полчаса до начала. Литераторы сновали по коридору, курили, шумно переговаривались.

В это время ко мне подошла поэтесса и переводчица Марина Ахмедова и сказала, что мои рассказы будут обсуждать после собрания.

Ждали Расула Гамзатова. Через некоторое время он приехал. Так получилось, что все писатели выстроились вдоль стены. Мне ничего другого не оставалось, как тоже встать в «строй».

Расул Гамзатов поочередно поздоровался с каждым за руку. Он напоминал умудренного в сражениях полководца, который совершает обход своей армии. Во всяком случае на ум пришло почему-то именно это сравнение.

На заседании обсуждали обычные насущные проблемы. Невыплаты гонораров, резкое сокращение печатной продукции, низкие зарплаты литераторов. Старейший еврейский писатель Хизгил Авшалумов грустно проговорил:

– За публикацию последней книги я получил гонорар 3 тысячи рублей, столько стоят туфли, которые мне понравились вчера в магазине. Сегодня пойду их покупать.

Наступило тягостное молчание. Еще три года назад за хороший гонорар можно было купить автомобиль «Москвич».

Потом Муталиб Митаров (старейший поэт, ветеран войны) сказал, что хотя коммунистическая партия и распалась, но он до конца останется в душе коммунистом. Его приветствовали дружными аплодисментами. Но Митаров никак на них не среагировал. Выражение его лица оставалось каменным.

– Пять лет лежит в издательстве моя рукопись, – раздраженно воскликнул

он. – Видимо, еще пять лет будет пылиться.

Опять наступило молчание. Как я заметил, тягостные паузы во время заседания наступали часто.

В конце его Расул Гамзатов предложил выбрать пять человек на какой-то московский форум. Кого именно выбра-

ли, не помню.

Это действо проходило грустно и тихо. На мой взгляд, наступала великая ломка. Ломка в умах, в душах, в идеологии. Также грустно и безмолвно все разошлись после заседания. Только я и писатель Владимир Носов задержались ненадолго, чтобы обсудить мои рассказы. Очень понравился Носову мой рассказ «Как Иван свою жену на машину променял».

Он отобрал некоторые произведения, которые потом были опубликованы в газете «Литературный родник».

Правда денег больших так я и не получил. В стране быстрыми темпами шла инфляция. Самый большой гонорар получил в размере 25 рублей. Такова была стоимость одной буханки хлеба в 1992 году.

* * *

Недавно на Краснофлотской улице случайно столкнулся с поэтом Муталибом Митаровым. Поздоровались. Он внимательно посмотрел на меня.

– Вы кажется были на заседании в Союзе писателей?

– Да.

Он наклонился к моему уху и тихо сказал:

– Вы еще слишком молодой и вам, наверное, не понять то, что происходит. Все рушится. Понимаете – все. Это уже не тот Союз писателей.

– Понимаю...

– Беда в том, что и Расул Гамзатов уже ничего не может сделать...

Я снова кивнул:

А Митаров вдруг не выдержал и крикнул:

– Нет, кажется не понимаете!

И тихо добавил:

– Мало кто понимает.

Поднял трость и повертел высоко над собой. Указывая, на небо объяснил:

– Там вся, правда. Но никто этого не знает. Ничего будет Божий суд. Мне 72 года. А такого безобразия в стране еще не было.

Май

Совсем, туго приходится. Работы вообще никакой. На площади Ленина время от времени собирается народ и митингует. Но правительство на это никак не реагирует. Спустя какое-то время в Махачкале ввели чрезвычайное положение. В первый раз я увидел танки на улицах города. Все это очень непривычно. Ощущение такое что вот – вот начнется война. Однако стараюсь отмахнуться от этой мысли.

Так как денег нет, то решил сдать бутылки. Давно этим не занимался. Разве что в детстве. В сарае нашел четыре ящика из-под лимонада. Вымыл и на машине соседа отвез в приемный пункт. За одну бутылку дают 20 копеек. Не так уж плохо. Накупил домой продуктов. Приготовил макаронны с котлетами. Вечером пришла сестра, и сказал, что у них на заводе тоже идут сокращения.

– А вдруг и меня сократят, – с грустью констатировала она.

– Но ведь не сокращают.

– А вдруг, – повторила она.

– Не переживай. Плановики всегда нужны.

– Буду надеяться. Знаешь, а у нас на заводе воруют. И все знают об этом. Просто ужас какой-то.

– Успокойся. Не только у вас. Везде такое...

* * *

Утром 9 мая пошел покупать хлеба, но не смог. Огромная очередь. Люди ругаются, а потом стали драться. Утомнились лишь после того как появилась милиция. Я пошел в другой магазин. Такая же картина. Шум, гам, крики. Люди готовы в глотки вцепиться друг другу. Неподалеку, в конце зала стоит миловидная девушка и плачет.

Спрашиваю:

– Что случилось?

– Надо хлеба купить, – сквозь всхлипывания говорит она.

Дома у нас гости...

– Купим, – обещаю я. – Как вас зовут?

– Альбина.

– Постараемся Альбина...

Неимоверными усилиями, буквально каким-то чудом вгрызаюсь в неприступную очередь, и пробиваю себе дорогу к прилавку. Купил две буханки и отдал девушке, а сам снова остался ни с чем. Она поблагодарила, улыбнулась и поторопилась домой. Я помахал вслед рукой.

Так как остался без хлеба, то решил пойти в столовую. Однако и тут не очень повезло.

– Есть рис и гречка, – зычным голосом объявила с румяными щечками девушка в белом высоком колпаке. Потом тихо добавила, – А вот хлеба, к сожалению нет.

Я печально посмотрел на нее. Девушка ответила мне тем же и почему-то потупила взор.

– А водка есть?

– Да, – обрадовалась она.

– Давайте. Ну и гречку тоже...

Так я отпраздновал 9 мая.

Июнь

С приятелем, которого зовут Борис, решили, сходить в кино. У меня нет денег. Платить будет он. Однако выясняется, что кинотеатр «Октябрь» закрыт по неизвестным причинам. Стали прогуливаться недалеко от универсама. Я говорю:

– Может, пойдем в другой кинотеатр?

Приятель морщится как – будто проглотил кислую ягоду.

– Не хочется. Подождем, вдруг откроют.

И тут совершенно случайно я увидел Альбину, которой месяц назад помог купить хлеба. Обрадовался.

– Здравствуйте...

Девушка окинула меня недоверчивым взглядом.

– Вы кто?

Объясняю, что познакомилась с ней в магазине.

– В каком еще магазине?

– Когда хлеб покупали... Помните 9 мая.

– А...а. Но это не значит что теперь я ваша девушка, – вдруг категорически заявляет она. У меня есть жених. Понятно?

– Понятно. Рад видеть вас...

Она усмехнулась.

– А жених мой не будет рад. И огорчать его я не намерена.

Поэтому не надо со мной ласково разговаривать, Он может ведь увидеть.

– Как он увидит?

– Очень просто.

– Ну, где же он?

– У себя дома.

Я засмеялся:

– Но как он увидит?

– Из окна...

– Случайно жених не в разведке служил, – съязвил Борис.

– Не вижу причины смеяться, – огрызнулась Альбина. Он может в любое время здесь оказаться.

– Тогда пока его нет, давайте сходим в кино, – предложил я.

Но тут действительно как из-под земли вырос перед нами мужчина, с длинными черными усами, слегка закрученными верх.

– Какие проблемы молодые люди, – грозно насупив брови, спросил он.

– Никаких...

– А что пристаёте к девушке?

– Да нет ничего. А вы собственно кто?

– Меня зовут Карим. Я жених...

Мы снова засмеялись.

– Да что же вы смеетесь. Он действительно мой жених, – сказала Альбина.

– Но вот что, – сделал шаг в нашу сторону Карим. – Я живу в доме напротив. И все видел. Поэтому уходите или

получите сейчас.

– Не угрожай, – крикнул Борис.

– Буду, – не унимался жених.

И вдруг неожиданно для нас вынул из кармана брюк пистолет.

– Ну что? Как вам такая игрушка?

Вороненый ствол хищно сверкнуло на солнце. Мы слегка попятнулись.

Борис шепнул:

– Может, уйдем?

– Стыдно?

– Да, ладно тебе.

– Ну, хорошо уговорил.

– Мы тебя достанем, – предупредил Борис.

Наш противник ухмыльнулся. А мы развернулись и пошли прочь.

На одну секунду сам не зная зачем, я обернулся назад, и увидел, что Альбина внимательно глядит нам вслед. Так и не понял, что она хотела этим проницательным взглядом сказать.

Больше я ее не видел.

Июль

Сестра Оксана пожаловалась, что дома совсем нет мяса.

– Денег у нас сейчас мало. Может, поедешь к отцу и привезешь хоть немного мяса – попросила она

– Завтра поеду.

Ехать надо до станции Улан-Холл: это Калмыкия. А оттуда на автобусе до поселка Прикумск. Потом еще некоторое время до стоянки чабанов.

Билет на плацкартный вагон не достал. Пришлось довольствоваться общим. Крики, шум, корзины, мешки, баулы. Пожилые женщины толкаются меж собой. Они закутаны в какие-то платки и жакеты. Вид кстати весьма неопрятный. Укутались в жакеты, несмотря на жару. На улице плюс 30.

От этих женщин довольно неприятно пахнет. Я ушел в тамбур. Здесь открыто окно и внутрь помещения приятно врываются свежие струи воздуха. Всю ночь так и не сомкнул глаз. Спать было негде. Народу в вагоне набилось много, и мест не всем хватает.

В Улан – Холл поезд прибыл на следующие сутки в три часа ночи. Я так и просидел все время в тамбуре. Теперь надо ждать автобус, который должен прибыть восемь утра. Ну что же есть возможность хоть немного вздремнуть.

Устроился на одной из скамеек. Но поспать не довелось. В здании автовокзала появились несколько пьяных калмы-

ков. Стали требовать деньги. Однако нас пассажиров человек десять. Решили не уступать им. Увидев, что мы не намерены сдаваться, калмыки ретировались. Но мы держимся вместе: вдруг вернуться.

Тут неожиданно появился участковый и с ним двое в штатском. Тоже калмыки.

Участковый представился:

– Лейтенант Санджиев. Извините товарищи. Этих хулиганов мы уже урезонили. Даже не знаю где они достали водки среди ночи...

Потом милиционер посмотрел на часы и сказал.

– Ваш автобус будет через пятнадцать минут. Желаю удачи.

Мы искренне поблагодарили его.

Наконец приехал к отцу. Я не узнал его. Так сильно похудел он.

Увидев меня, отец немного переволновался. На глазах выступили слезы. Сказал что это от того что давно меня не видел.

– Как ты?

– Ничего. А знаешь, отец поехали домой. Что тебе делать в этих степях. Ведь возраст у тебя.

Отец усмехнулся:

– Не такой уж я пожилой. Всего 62 года. Что мне делать в городе? Не смогу, наверное. И потом как продать овец и корову. Сейчас ничего не покупают. У людей нет денег.

– Ты, ведь устал?

Отец усмехнулся:

– Ныне всем трудно.

– Я у тебя останусь на неделю.

– Оставайся...

В эту же ночь на кошаре произошел переполох. Ночью на отару напали волки. Старший чабан Магомед выскочил из дома с винчестером, и тут же произвел в ночную темень несколько выстрелов. Но волки успели уйти.

Отец и Магомед недоумевали: почему волки пришли летом. Ведь обычно они охотятся на овец зимой. Однако долго над этим голову не ломали.

Пошли с фонарями смотреть на потери. Две овцы лежали бездыханные, а третья еще была жива. Ее тут же прирезали.

– Наверняка они и с собой тоже утащили овцу, – предположил старший чабан.

– Может и так, – согласился отец.

Пришлось охранять отару до утра с винчестером. Дежурили по очереди. Но волки больше не появлялись.

Прошло две недели как я у отца. Пора собираться в обратную дорогу. Стали искать деньги, и нигде не можем найти. Поехали на соседнюю стоянку чабанов. Но и там не у кого нет наличности. И вот спустя два дня приехал вдруг из соседней кошары один табунщик и предложил отцу продать ему корову за половину цены.

Отец опешил:

– Как так?

Табунщик спокойно объяснил:

– Иначе никто не купит. Ты ведь знаешь, какое положение сейчас в стране. Не у кого нет большой суммы на руках. А я куплю. Но дам только половину. Что согласен?

Отец немного подумал и махнул рукой:

– Ну что же давай.

А у самого в глазах грусть. Но делать нечего отдал корову за половину цены. И тут же стал ругаться:

– Ну и хапуга ты. Сволочь порядочная...

А табунщик только усмехается.

– Сейчас все так живут. Где увидел там и хапнул.

Отец не соглашается:

– Не все. Я не такой...

– Ну, может ты. А большинство такие, – скалит желтые зубы в злорадной улыбке табунщик.

Отец долго еще не мог успокоиться.

– Вор, настоящий паскуда...

Перед моим отъездом положил мне мясо в большую дорожную сумку и обещал, что скоро и сам приедет. Мы тепло попрощались. И снова на глазах у отца выступили слезы.

Август

Опять все по – прежнему. В смысле как не было работы, так и нет. Просто чудовищно то, что происходит у нас в республике. Из поселков и аулов молодежь едет в столицу. Но в Махачкале, тоже невозможно трудоустроиться. Практически все заводы закрыты. Директора заводов все, что можно было прибрать к рукам, уже забрали. А рабочим как говорить кукиш с маслом.

На плаву держится только завод им. Гаджиева. Да еще «Авиаагрегат» кое-как дышит на ладан. Но скоро и они, наверное, прикажут долго жить. Все мне говорят, что надо заниматься торговлей.

Но я этим никогда не занимался. Однако многие идут и торгуют.

Не только женщины, но теперь и мужчины. Стыдятся: но торгуют.

Один дальний родственник честно признался:

– Никогда не думал, что буду зарабатывать на жизнь торговлей. Но что делать? Когда вижу знакомых по бывшей работе, то прячусь...

И он виновато улыбается.

Как не хотелось, пришлось и мне идти торговать.

Впрочем, это сосед предложил:

– Не желаешь ли заработать?

– А как?

– Предлагают продавать рубашки и брюки.

– Давай попробуем...

– Завтра загляну к тебе к часам девяти.

И вот утром мы едем на ипподром (там по выходным большой рынок).

Расстелили какую-то клеенку, а на нее положили рубашки и брюки.

К часам двенадцати температура воздуха накаляется до плюс 35. Очень жарко. Хочется уйти, а еще ничего не продано. И это немудрено. Торгующих больше чем покупателей.

К трем часа продали только две рубашки.

Я говорю:

– Ты как хочешь, а я ухожу. Не могу больше на этой жаре.

– Давай еще побудем...

– Нет, хватит.

– Ну, тогда и я уйду, – объявляет сосед.

В общем, торговля была просто никакой. Поэтому ято делать дальше пока непонятно.

Сентябрь

Мне удалось устроиться корреспондентом в редакцию газеты «Молодежь Дагестана» (бывший «Комсомолец Дагестана»).

Но не сразу. Долго думали в редакции. Редактор лет пятидесяти с одутловатым лицом спрашивает:

– Высшее образование есть?

– Нет. Только профтехучилище. Работал наборщиком в типографии...

Он внимательно глядит на меня, как бы размышляя о том, стоит мне доверять или нет.

Его крупная лысая голова лучезарно отсвечивается под яркими лучами солнца, которые проникают через большое окно в кабинет. Он бесшумно, словно кошка прохаживается по комнате. Потом недоверчиво говорит:

– Ну, хорошо. Подготовь статью. А там посмотрим...

Я отправляюсь домой писать статью. Написал про школьников, которые пропускают уроки, подрабатывая на автозаправках за копейки, чтобы помогать родителям. Одним словом выживают.

Статью принес на следующий день.

Редактор чуть заметно кивает:

– Оставьте. Сегодня кажется четверг. Приходите в понедельник.

Признаться откровенно, не думал что примут. Конкуренция уж больно большая. Были и другие претенденты.

Но редактор встретил тепло:

– Неплохо. И тема актуальная. Правда, запятые у тебя проставлены довольно часто не там где надо...

– Это у меня беда, – признался я.

– Ладно, – машет рукой редактор. Пиши заявление. Будем платить в месяц сто рублей.

– Это же мало, – удивляюсь я.

Лицо редактора вмиг становится строгим:

– А ты поработай сначала. Покажи себя. Написал одну статью, а уже права качаешь.

Я молча пишу заявление о приеме на работу.

Октябрь

Редактор говорит:

– Съезди в порт и постарайся сделать интересный материал.

– Сколько у меня времени?

– Три дня.

– Нормально.

Начальник порта Фархад Исмаилович встретил радушно.

– Ого, какие люди, – восклицает он. – Кажется, вы у нас работали.

– Да, – говорю я. Два месяца грузчиком. Но мне, кстати, ничего не заплатили...

Начальник разводит руками:

– Не только вам. И другим тоже. К сожалению денег нет.

Такое наступило время. И что опять привело к нам?

– Статью надо написать.

Фархад Исмаилович нахмурился:

– О чем писать? Все плохо. Много чего не хватает в порту.

Просто катастрофа.

Он вдруг снижает голос и шепотом добавляет:

– Воруют. И ничего поделать нельзя. Но понимаю. Надо ведь людям как-то жить.

Я киваю головой:

– Тоже понимаю. Но все-таки написать надо.

Он вспылил:

– Я же говорю нечего писать. Люди плохо живут. Не до-
едают. Ведь в газету об этом не сообщишь.

– Почему? Пусть будет правда.

Он иронично усмехается:

– Тогда меня быстро попросят с этого места, а потом ве-
роятно и застрелят. И тебя убьют. Этого добиваешься?

– И что делать?

Начальник советует.

– Пиши что все хорошо. Что нет проблем...

– Но это ведь неправда.

– Сейчас все врут, – спокойно констатирует Фархад Исма-
илович. Так что не стесняйся.

Я так и написал: что все отлично в порту. Пароходы гудят,
товар доставляется по расписанию и все такое прочее.

Редактор серьезно удивился:

– Неужели все хорошо. Что-то не верится. Кругом разру-
ха, а у них значит полный порядок.

Я признался:

– Нет, конечно. И там все плохо. Но начальник очень про-
сил не писать об этом.

Редактор вдруг обрадовался.

– Я так и думал. Так и думал...

Он прошелся по кабинету, размышляя о чем – то. Потом
уверенно заявил:

– Пойду сам. Посмотрим что и как.

На следующий день он грустно констатировал:

– Мда... Однако дела. Ладно, пусть будет, так как есть.

А то у нас могут быть проблемы.

– Как это? – не понял я.

Редактор слегка смущен.

– Да, представь себе. Но ты все понимаешь. Очень простое время.

– Нет, я лично больше врать не буду.

Редактор окидывает меня пронзительным взглядом. Молчит. Потом задумчиво объявляет:

– Посмотрим. Если надо будет, то придется и написать. Никуда нам с нашего корабля не уйти...

Ноябрь

У меня постоянные споры с редактором. Ему нравится одно, мне другое.

И он, поэтому не хочет печатать статьи. И вдруг уезжает куда-то. В его отсутствие заместитель напечатал три мои статьи.

Спрашиваю:

– А не боишься, что за меня тебе попадет?

Заместитель равнодушно усмехается:

– Не боюсь. Я ведь по профессии не журналист, а художник. Так и скажу ему: мол, не совсем понимал что делал.

– Но ведь это не так.

– Конечно. Но статьи актуальные.

– Ну, спасибо.

Так и вышло. Когда через месяц приехал главный то разразился скандал. Его возмущению не было предела.

– Как это понимать!? Значит самовольничать? Так что ли?

Вызвал на следующий день меня и заместителя к себе в кабинет. И снова то же самое:

– Вот, к примеру про казино я просил написать совсем по-другому.

Я оправдываюсь:

– Но это было бы неправдой. В этом заведении ведь действительно собираются криминальные элементы.

Саркар (заместитель редактора) поддерживает меня:

– Это так.

Редактор взвинчен:

– Может быть. Но завтра эти так называемые элементы придут сюда и открутят нам головы. Этого хотите?

– Не хотим...

Да, к большому сожалению, случилось и такое. Редактора опасались бандитов, воров и. т. д. Поэтому боялись правды.

Немало было жуликов и во властных структурах. И про них плохо писать тоже не рекомендовалось.

– Но ведь нельзя зарывать голову в песок, – говорил Саркар.

Однако редактор не умолим. В конце беседы он становится, совершенно злым.

– Я вас увольняю, – выносит он свой беспощадный вердикт.

Потом некоторое время молчит. И почему то вдруг отменяет свое решение.

– Хотя ладно. На первый раз объявляю выговор. Сейчас работать некому.

Я понял, что мне в дальнейшем будет сложно в этой редакции. Во всяком случае, общий язык с редактором найти мы не могли. Вернулся домой удрученный.

В этот же день вечером заглянул ко мне сосед Руслан и предложил поехать в Астрахань торговать куртками.

– А когда ехать?

– В следующем месяце.

– Хорошо.

Через неделю беру на работе отпуск за свой счет на целый месяц.

Редактор не очень доволен, однако напутствует.

– Даю добро, С условием, что привезешь хороший материал. Буду ждать.

Декабрь

Берем у известного местного предпринимателя тридцать курток, в простонародье называемых «аляска» и отправляемся в Астрахань.

Куртки нам выдают штуку за пять тысяч. А мы желаем их продавать за шесть, а то и за семь тысяч. Нас четверо, и четыре огромные сумки. Кроме меня и Руслана с нами едут наши хорошие знакомые Заур и Тагир.

На вокзале столпотворение. Неужели все собираются ехать в Астрахань?

Так оно и есть.

Только подошел поезд как народ ринулся занимать вагоны. Оказывается, билетов хватило не на всех. А ехать надо всем. Пока мы со своими громоздкими сумками штурмуем вагон места оказались заняты. Мы предъявляем билеты. Но не тут – то было.

Мужчина в серой пыжиковой шапке равнодушно замечает:

– А нам куда деваться?

Руслан возмущается.

– А нам, какое дело!?

Мужчина не сдается:

– И мне надо в Астрахань. Я вот лично сейчас заплачу проводнице.

Слово за слова и завязывается потасовка. Все-таки мы (не без труда) «выкуриваем» посторонних. Но на этом проблемы не оканчиваются. Только можно сказать начинаются.

Проносится слух, что в поезде присутствует дорожная милиция, которая у людей взимает немалые деньги, если у них есть товар. Мы быстро прячем все куртки под сиденья.

Через час действительно появляются работники милиции. Строго осведомляются:

– Товар есть?

Наш приятель Тагир отрицательно кивает головой.

– Нет. Едем к родственникам...

Он так убедителен, что стражи порядка верят.

Когда они уходят, я предупреждаю:

– Не вставайте с мест. А то вдруг начнут проверять, что к чему и тогда нам крышка.

Но оказалось что дорожная милиция это не основное зло. Мужчина, который занимал боковое место, вдруг говорит:

– Главная опасность ребята Чечня. Мы ведь в Гудермесе будем полчаса стоять. Вот тогда могут появиться бандиты, и начнут грабить. Я уже сталкивался с этим.

– А как же дорожная милиция, – спрашивает Руслан.

Мужчина невесело смеется.

– Какая милиция? Они покидают поезд еще до Чечни. Дураки что ли рисковать. Да и что они могут против ста человек.

– Сколько? – спрашивает, Тагир не веря своим ушам.

– А вы что думали? Бывает и больше.

Мы переглядываемся.

Однако делать нечего. Стали ждать.

* * *

И вот Гудермес. Кажется, весь вагон притих в неприятном ожидании.

Дагестанские поезда подвергались здесь грабежу почти систематически. Это все знали. Но власти Чечни глядели на это сквозь пальцы. Говорят, республикой у них руководит какой-то Джохар Дудаев, бывший генерал,

якобы личный друг Ельцина. Еще поговаривают, что местных коммунистов здесь как – будто почти всех поубивали.

Ходили разговоры, что людей даже живьем закапывали. А к русским вообще относятся как к рабам.

Если спросить лично меня, то это просто возмутительно.

После таких жутких новостей мы готовы были ожидать чего угодно.

Впечатление такое, что поезд стоит на станции очень долго.

Но вот раздается протяжный гудок и мы снова в дороге. Все облегченно вздыхают. Кажется, повезло.

Когда прибыли в Астрахань, то столкнулись с новыми проблемами. Торговать нормально невозможно. Кругом орудуют группировки отпетых воров.

К примеру, к тебе подходит кто-то и спрашивает почему

куртка. Интересуется фирменная она или нет. Это чтобы отвлечь. Другой в это время потихонечку хватает товар и только его видели.

Таким образом, мы лично потеряли две куртки. Зато остальные продали неплохо. Штука за шесть тысяч. Были рады. Отметили этот успех в ресторане.

1993 год

Январь

После Астрахани написал очерк про наши мытарства и отнес

в редакцию.

Редактор вроде остался доволен. Уважительно смотрит на меня:

– Напечатаем в ближайшем номере...

Спустя неделю Руслан предложил снова поехать в Астрахань. И я снова согласился. Работа журналиста в Дагестане не приносит достаточного дохода. Понял, что торговлей можно гораздо больше заработать.

– Поедем опять тем же составом, – говорит Руслан.

Нас снова четверо. И вновь мы берем «аляски».

На этот раз тоже без происшествий не обходиться. Когда уже подъезжали, то у нас чуть не увели одну сумку с куртками. Вор оказался настолько ретивым, что буквально через минуту был уже чуть ли не в головном вагоне. Когда поезд остановился, он спрыгнул. Мы побежали следом. Догнать не смогли, но сумку вор бросил.

Когда вошли в здание вокзала, тут же подошли три милиционера. Особо не стали церемониться:

– Эй, чурки документы есть?

Были немало удивлены таким обращением. Молча, протягиваем паспорта. Один из них выразительно и в тоже время недоверчиво глядит на нас.

– Зачем приехали?

– Торговать?

Милиционер усмехается:

– И что будем продавать?

– Куртки...

Милиционеры дружно любопытствуют:

– Покажите.

Пришлось открыть сумки. Внимательно осмотрели, пощупали и вынесли свой строгий вердикт:

– Давай договариваться. Вы нам по куртке, и торгуете себе спокойно.

Мы категорически отказались.

– Не можем. У нас все учитывается...

Стражи порядка нахмурились.

– Тогда марш отсюда. Садитесь на поезд и обратно домой.

Если увидим на рынке, не обижайтесь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.